

ПАРАДИГМЫ КАНТА: ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА

Историку математики или, скажем, экономики зачастую бывает достаточно ответить на вопросы: как это было и как это выглядит с современной точки зрения? — для того чтобы выполнить свою задачу. Если же историк философии ограничится этим и не ответит на вопрос: почему это было именно так? — можно смело сказать, что он не справился со своей задачей. Способы ответа на вопрос «почему» многочисленны, и классификация их — дело специального исследования по методологии историко-философского познания. Нам сейчас достаточно выделить один из способов — *раскрытие парадигм*¹ решения того или иного вопроса в какой-либо философской системе. Раскрытие парадигм является, может быть, самым простым ответом на вопрос почему?, так как не требует углубления в социально-экономический и идеологический анализ соответствующей эпохи, а ограничивается только слоем знания (философского и специально-научного). Раскрытие парадигмы указывает на ближайшие причины принятия данным философом той или иной концепции, формулировки того или иного ответа на возникающий в его системе вопрос.

В этой статье будет предпринята попытка объяснить некоторые особенности отношения Канта к тому, что он называет «общей логикой». Естественно, что сначала потребуется дать очерк учения Канта об общей логике.

1. Кант об общей логике

Кантово учение об общей логике сыграло значительную роль как в уточнении предмета формальной логики, так и в формировании концепции аналитичности формальной логики, отрицания за ней способности производить новое знание. В историко-философских работах логического плана много внимания уделяется Кантовой концепции математики и ее связи с современной формальной логикой (Э. Бет, Я. Хинтикка) и почти не затрагивается его концепция общей логики. Ее либо просто обходят вниманием, ссылаясь на общую устарелость взглядов Канта на логику, либо столь же некритически принимают, заимствуя из нее несколько уничижительное отношение к «общей» логике и распространяя это отношение на современную формальную логику. Думается, что давно пора выяснить те причины, которые побудили Канта принять концепцию аналитичности логики, несмотря на в целом конструктивный (в разных смыслах) характер его философии, т. е. ответить на вопрос: почему Кант считал логику аналитической дисциплиной?

На этот вопрос можно дать ответы различного порядка. Прежде всего это ответ, который имеется в текстах Канта и

который в принципе соответствует уровню логики того времени: логика аналитична, потому что она занимается анализом понятий; в нее входят только такие суждения, в которых понятие предиката содержится в понятии субъекта. Критика такого подхода к аналитичности хорошо известна. С современной точки зрения, такой подход не дает ответа на наш вопрос. Основываясь на различии явного и неявного содержания суждений, можно определить такие меры информации, которые позволяли бы говорить об увеличении информации, имеющейся в распоряжении субъекта познания, и в случае установления включения понятия предиката некоторого суждения в его субъект, а следовательно, говорить об информативности процедур и неаналитичности истин в самой элементарной логике².

Эти соображения заставляют задать вопрос: а не существует ли более глубоких оснований, которые с современной точки зрения могли бы объяснить принятие Кантом концепции аналитичности логики?

Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся выяснить те факторы, которые с современной точки зрения обуславливают разделение суждений некоторого языка на аналитические и синтетические. Вообще говоря, такими факторами являются семантические соглашения, встроенные в логическую форму суждений данного языка. От принимаемого понятия логической формы зависит дихотомия аналитического-синтетического; варьируя понятие логической формы, мы можем изменять соотношение классов аналитических и синтетических суждений в данном языке³.

Надо воздать должное Канту. В «Критике чистого разума» он наметил это более глубокое основание для принятия аналитичности общей логики. В «Трансцендентальной аналитике» Кант четко указывает, что так как общая логика *отвлекается от всякого содержания познания*, то на ее долю остается только задача аналитически разъяснять одну лишь форму познания в понятиях, суждениях и умозаклучениях...» (3, 218). Но каким образом логика отвлекается *от всякого содержания*? Кант несколько ранее вполне определенно отвечает на этот вопрос. Вот два его высказывания из введения к «Трансцендентальной логике»: «Как общая логика она отвлекается от всякого содержания рассудочного познания и от различий между его предметами, имея дело только с чистой формой мышления» (3, 156); «Общая логика отвлекается, как мы уже показали, от всякого содержания познания, т. е. от всякого отношения его к объекту, и рассматривает только логическую форму в отношении знаний друг к другу, т. е. форму мышления вообще» (3, 157).

Исходя из этих высказываний, нетрудно заключить, что трактовка логики как науки, отвлекающейся от всякого содержания познания, связана у Канта со своеобразной концепцией

логической формы, а именно с концепцией независимости логических форм от объектов познания, которая в дальнейшем будет обозначаться как концепция «пустоты» логических форм. Точнее говоря, под Кантовой концепцией «пустоты» логических форм подразумевается теория, согласно которой логические формы 1) могут быть определены безотносительно к объектам познания и 2) могут быть оправданы вне всякой связи с объектами познания.

Существенной составляющей этой концепции является также признание *существования* логических форм независимо от того, применяются ли они к каким-либо объектам нашего познания или нет. Логические формы, таким образом, показывают вполне самостоятельную структуру рассудка как особой познавательной способности, независимой от чувственности, которая одна доставляет объекты познания. Зависимость кантовской трактовки общей логики в целом от истолкования логических форм подтверждают высказывания, которые во множестве встречаются в его «Логике».

Логические правила (правила рассудка) «содержат лишь условия применения рассудка вообще, будет ли оно *чистым* или *эмпирическим*, независимо от различия предметов. ...Всеобщие и необходимые правила мышления вообще могут касаться только его *формы*, но отнюдь не *материи*»⁴.

«Такую науку о необходимых законах рассудка и разума вообще, или — что одно и то же — об одной лишь форме мышления вообще, мы называем *логикой*» (Логика, 320).

Логику следует рассматривать «как науку, занимающуюся всяким мышлением вообще, независимо от *объектов* как материи мышления...» (Логика, 321).

Логика есть «*наука о разуме* не только по форме, но и по *материи*, так как ее правила почерпнуты не из опыта и так как она вместе с тем имеет своим объектом разум. Поэтому логика есть самопознание рассудка и разума, но не в смысле их способностей в отношении объектов, а в смысле одной лишь *формы*»⁵ (Логика, 322).

Эти суждения ясно показывают позицию Канта в данном вопросе.

Подведем некоторые итоги. Кант трактовал логическую форму как «пустую» форму мышления, которую полностью можно отделить от всякого содержания мышления, от всякого его объекта. Поскольку логические формы не связаны с объектами, а именно объекты обуславливают изменчивость наших знаний, логические формы являются неизменными, раз и навсегда данными, не зависящими ни от каких изменений наших знаний о мире. Поэтому логика могла появиться раз и навсегда. Она вышла готовой из головы Аристотеля, как Афина — из головы Зевса, и не претерпела с той поры существенных изменений, потому что она не может существенно изменяться.

Это одна сторона отношения Канта к логике. Другой тезис Канта, согласно которому логика не дает приращения знания, не может употребляться как органон, также вытекает из концепции «пустоты» логических форм. Действительно, если логическая форма никак не связана с содержанием знания и с объектами познания, то преобразования знания в рамках логических форм не изменяют характеристик самого знания и, следовательно, не ведут к расширению последнего. Поэтому логика аналитична.

Таким образом, утверждая аналитичность логики, Кант опирался на специфическое понятие логической формы и в качестве основания для своего взгляда на логику выдвигал тезис о «пустоте» логических форм. Анализ текстов Канта и сопоставление их с современными взглядами на логику и логическую форму намечают следующую цепочку: (А) «пустота» логических форм → (Б) *отвлечение от содержания и объектов мышления* → (В) *аналитичность общей логики*, где стрелка обозначает отношение обусловливания. Эта цепочка подсказывает, что (В) можно объяснить при помощи (Б), (Б) при помощи (А). Но как же объяснить принятие Кантом тезиса (А)?

2. Об истоках Кантовой концепции «пустоты» логических форм

Рациональное объяснение принятия Кантом концепции «пустоты» логических форм можно было бы дать, если бы удалось объяснить ее 1) общими установками философии того времени, 2) состоянием логики того времени или 3) специфическими требованиями системы критической философии.

1. Можно с уверенностью сказать, что тезис о бессодержательности логических форм не был принят ни в рационалистической, ни в эмпиристской философии того времени. Для рационалиста логические формы обладали хотя и весьма абстрактным, но все же определенным содержанием, некоторым отношением к объектам познания (Лейбниц). В традиции эмпиризма логические формы, как правило, истолковывались психологически, а следовательно, признавались наполненными определенным содержанием.

2. Кант в своих выводах опирался на аристотелевскую силлогистику в ее традиционной форме. Однако тезис о «пустоте» логических форм неверен и для традиционного истолкования аристотелевской силлогистики. Действительно, Аристотель, исследуя формы сведения несовершенных модусов к совершенным, использует так называемый метод выделения, или *es̄thesis*. Этот метод применяется, например, для доказательства простого обращения: если *A* не присуще всякому *B*, то *B* не присуще всякому *A*. При обосновании такого обращения вводится некоторый новый термин — *C*, объем которого является

собственной частью объема *A* и объема *B*. Метод *ecthesis*'а вызвал оживленную дискуссию интерпретаторов аристотелевской силлогистики. До недавнего времени практически общепринятой была точка зрения, сформулированная Александром Афродисийским (начало III в. н. э.): «Но лучшим и более подходящим относительно выделения будет сказать, что здесь доказательство получается через чувственное восприятие... То *C*, которое берется, будучи чувственным, составляет часть *A*. Если же *B* высказывается о чувственном и единичном *C*, составляющем часть *A*, причем *C*, будучи частью *B*, содержится также в нем, то *C* составляет часть обоих и содержится в обоих»⁶. Подобная интерпретация метода выделения стала частью традиции и, как свидетельствует Лукасевич, продолжала встречаться еще в работе Генриха Майера о силлогистике, вышедшей в 1900 г. Независимо от правильности этой интерпретации, с современной точки зрения, мы имеем все основания предполагать, что такая интерпретация *ecthesis*'а соответствовала уровню логики, достигнутому во времена Канта, и должна была быть известной самому Канту, так как он в работе «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762) специально занимался вопросом о сведении модусов трех последних фигур силлогизма к модусам первой фигуры. Поскольку *ecthesis* используется для оправдания силлогистических форм и включает в себя прямое обращение к объектам познания (и даже к чувственным объектам в интерпретации Александра), можно предположить, что для того уровня истолкования аристотелевской силлогистики, который был достигнут во времена Канта, положение об отсутствии связи логических форм с объектами познания оказывается просто неверным.

Тем не менее вопрос о правильности подобной интерпретации *ecthesis*'а остается. Против такой интерпретации решительно возражал Лукасевич, по мнению которого, «нет необходимости принимать *C* в качестве единичного термина, данного нам в восприятии»⁷. Однако другие интерпретации этого метода доказательства (в отличие от Лукасевича) непосредственно связывают его с введением в рассмотрение в ходе логического доказательства единичных объектов, хотя (в отличие от Александра Афродисийского) и отрицают чувственный характер этих объектов. Подобной точки зрения придерживается, например, Э. Бет, связывающий *ecthesis* с введением индивидуальных констант в семантических таблицах⁸, и Я. Хинтикка, который прямо заявляет, что *ecthesis* «на практике полностью совпадает с правилом удаления квантора существования»⁹, т. е. с введением в рассмотрение нового объекта из универсума рассуждения. Кстати, чтобы получить отрицательный ответ на наш вопрос (2), не обязательно предполагать, что вводимые в рассмотрение объекты имеют чувственный характер, достаточно, что приходится обращаться к введению объектов из универсума рассуждения.

3. Наиболее серьезным вопросом является следующий: вытекает ли концепция «пустоты» логических форм из особенностей системы критической философии Канта? Здесь требуется проанализировать понятие формы в философии Канта. В основании критической философии лежит постоянно подчеркиваемое Кантом разделение формы и материи (содержания) знания, которое в принципе соответствует разделению рассудка и чувственности. Кант первоначально совершенно обособляет понятие формы, лишает его всякого содержания, отдельно исследует чистые формы чувственности и чистые формы рассудка. Однако затем по замыслу критической философии главным оказывается синтез рассудка и чувственности, формы и содержания, который только и дает знание и его расширение. Этот синтез Кант последовательно проводит во всех областях знания, кроме логики. «Настаивая на необходимости синтеза понятий и наглядных представлений, Кант — и это в высшей степени поразительно — даже не думает распространять этот синтез на общую логику. Напротив, чем настойчивее Кант повторяет свой тезис о соотносительности и взаимной обусловленности рассудочного и чувственного познания, тем упорнее сохраняет он полную обособленность и независимость формальной логики»¹⁰. Получается, что, несмотря на синтетические мотивы всей философии Канта, этот синтез не распространяется на логику. Кант даже не приводит рациональных оснований отсутствия синтеза рассудка и чувственности, формы и содержания в логике, а просто по определению декларирует полную рассудочность логики и связанную с ней «пустоту» логических форм.

В логике для того, чтобы продемонстрировать независимость некоторого положения A от множества Γ других положений системы, часто используют следующий прием: берут отрицание рассматриваемого положения ($\text{не} — A$) и показывают совместимость его с множеством Γ . Здесь напрашивается вопрос: можно ли в системе Канта заменить тезис о «пустоте» логических форм на противоположный? На наш взгляд, в системе Канта можно принять тезис о содержательности логических форм, не нарушив последовательности системы. Напротив, с принятием последнего тезиса система Канта приобрела бы более последовательный характер, так как более полно было бы проведено центральное для Канта учение о синтезе чувственности и рассудка и вместе с тем не было бы утеряно ничего из функций общей логики (логика как канон применения рассудка). Отсюда следует, что тезис о «пустоте» логических форм не зависит от остальной части системы Канта, а следовательно, не вытекает из основных принципов его философии. Думается, что в предварительном порядке мы можем принять это утверждение. В его пользу, кстати, свидетельствует то соображение, что отношение Канта к логике, по-видимому, сформировалось еще в «докритический» период.

Таким образом, мы в предварительном порядке установили, что тезис о «пустоте» логических форм 1) не был связан с общими установками философии того времени, 2) не вытекал из состояния логики того времени, 3) не являлся следствием других принципов философии Канта. Следовательно, основания для принятия Кантом этого тезиса не следует искать в рациональных мотивах его философии. Здесь, по-видимому, следует вести речь о *неявных допущениях, парадигмах*, которые не обязательно осознаются самим мыслителем, причем эти допущения [в силу (1)] должны быть специфическими для философии Канта. Однако здесь мы от рассмотрения философских взглядов переходим в область исследования культурно-исторической и индивидуально-психологической обусловленности этих взглядов.

3. Парадигма Кантова понятия логической формы

В качестве таких неявных допущений обычно принимаются общие «предрассудки» эпохи или те предпосылки, которые входят в сознание исследователя вместе с какой-либо принимаемой им в целом концепцией. Первую альтернативу мы уже отбросили. Остается искать объяснения в рамке второй альтернативы. С этой целью предлагается следующая гипотеза: *парадигмой для Кантовой концепции «пустоты» логической формы послужило Ньютонovo понятие абсолютного пространства как пустой формы материальных предметов.*

Эта гипотеза позволяет в предварительном порядке объяснить, почему Кант считал логическую форму лишенной всякого отношения к объектам. Конечно, эту гипотезу нельзя ни полностью доказать, ни полностью опровергнуть, поскольку она не относится к числу строго проверяемых. Хотя в ней идет речь о вполне рациональных концепциях («пустоты» пространства и логической формы), но основное ее утверждение относится не к этим концепциям, а к их связи, опосредованной внутренним миром мыслителя. Поэтому для подтверждения или опровержения такой гипотезы потребовался бы полный анализ личности мыслителя во всех ее историко-культурных и индивидуально-психологических связях. Но, как легко понять, это дело невыполнимое. К тому же эта гипотеза, по-видимому, относится к числу гипотез *ad hoc*, т. е. введенных специально для объяснения данного случая. Тем не менее остальная часть статьи будет посвящена попытке хотя бы частично подкрепить эту гипотезу и показать, что она объясняет нечто и за пределами философии Канта.

Какие же аргументы можно привести в поддержку этой гипотезы?

1. В пользу нашей гипотезы свидетельствует то соображение, что система критической философии с самого начала была

тесно связана с Ньютоновой физикой и даже, по мнению многих исследователей, была философским оправданием Ньютоновой картины мира, разрешением ее противоречий с пространственными взглядами на свободу и рациональность человека. Отсюда следует вывод: Ньютонова физика, или, точнее говоря, картина мира, принятая в Ньютоновой физике, была *общей парадигмой* Кантовой критической философии.

2. Определенный вклад в подтверждение нашей гипотезы могло бы внести установление ассоциативной и рациональной связи между идеями пространства и логической формой в западноевропейской культуре. Поскольку культурологический анализ выходит за рамки настоящей статьи, я ограничусь анализом этой связи в западноевропейской философии Нового времени, заметив, что наличие такой связи могло оказать влияние на формирование взглядов Канта.

В классическом рационализме, начиная с Декарта, существовал определенный параллелизм между идеями пространства и мышления. Эта связь была четко зафиксирована Спинозой в классическом тезисе рационализма: «Порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей»¹¹. Но что же такое «порядок идей», как не логическая форма, а «порядок вещей» — как не пространственные отношения! Таким образом, мы можем зафиксировать, что в классическом рационализме, оказавшем громадное влияние на Канта, встречался тезис о связи идей пространства и логической формы, причем эта связь предполагалась достаточно жесткой (как в приведенном тезисе Спинозы).

Эта особенность рационализма была четко отмечена его противниками. На наличии подобной связи строил свою критику рационализма и логики А. Бергсон. Для Бергсона логика имеет своим истоком геометрию твердых тел. По свидетельству В. Ф. Асмуса, логика в трактовке Бергсона изучает формы и понятия, представляющиеся «внешними друг другу — как предметы в пространстве — и устойчивыми — как предметы, по образцу которых они создаются»¹². Логические формы «выражают самые общие отношения между твердыми телами»¹³. Отсюда Бергсон получает жесткую связь между логикой и геометрией, логической и пространственной формами, свойственную классическому рационализму.

3. Традиция связывания пространственной и логической форм проявилась и в философии логики XX в. У Витгенштейна два ряда — пространственный и логический — сливаются в одно понятие — *логическое пространство*. Однако здесь дело не только в терминологии. Витгенштейн, по существу, отождествляет реальное и логическое пространство: «Образ изображает факты в логическом пространстве, т. е. в пространстве существования или несуществования атомарных фактов»¹⁴, — а затем проводит аналогию между логической и пространственной фор-

мами предметов: «Конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурация объектов в положении вещей»¹⁵. В «Логико-философском трактате» можно найти много других высказываний, свидетельствующих о параллелизме пространственных и логических понятий. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если учесть, что Витгенштейн принимает принцип тождества мышления и бытия, согласно которому формы мысли изоморфны формам бытия¹⁶.

Другой интересный пример связи понятий пространства и формы при рассмотрении проблем философии логики дает Я. Лукасевич. Разбирая понятие формы мышления, он восклицает: «Что же имеют в виду, когда говорят о форме объекта (мышления.— В. Б.), который не имеет протяженности?»¹⁷. Здесь, по существу, фиксируется неразрывная связь понятий пространства (протяжения) и формы, используемая на этот раз для доказательства невозможности понятия «форма мышления». Однако это показывает, что если мы (вместе с Кантом) принимаем понятие «форма мышления», то тем самым нам придется принять и определенные пространственные ассоциации.

4. Еще ближе мы подойдем к нашей гипотезе при рассмотрении взглядов Лейбница. В концепции Лейбница можно зафиксировать не только связь идей пространства и логической формы, но и связь *определенной* концепции пространства с *определенной* концепцией логической формы, что представляет значительный интерес с точки зрения нашей гипотезы. В философии Лейбница признание зависимости свойств пространства от материальных объектов («непустота» пространства) сочеталось с утверждением о том, что логическая форма находится в определенном отношении к возможным объектам нашего познания («непустота» логической формы)¹⁸. Учитывая эту связь и общую направленность Канта на критику лейбницианской философии, мы получим отсюда возможность связи между идеей пустоты пространства и концепцией пустоты логической формы в философии Канта, что также вносит вклад в подтверждение нашей гипотезы¹⁹.

5. В поддержку нашего тезиса можно выдвинуть еще один — «критический» — аргумент. Действительно, предлагаемая гипотеза может вызвать следующее возражение: не являются ли понятия пространственной и логической форм всего лишь частными случаями общего понятия формы у Канта? Это возражение, если бы оно было верным, могло бы опровергнуть нашу гипотезу. Однако оно само опровергается тем, что для Канта форма вообще немислима без содержания. Так, даже относительно пространства Кант в «критический» период предполагает, что пространство, хотя и пустое, и абсолютное, предшествует явлениям лишь в логическом смысле. Для позднего Канта пустое, абсолютное пространство вообще лишь логическая конструкция. Пространство, с которым мы встречаемся в опыте,

неотделимо от чувственного материала. То же можно сказать о форме вообще в философии Канта. По И. С. Нарскому, «содержательность формы у Канта выражается в направленности форм на материал. Ведь «пустые» формы сами по себе, по Канту, актуально не существуют. Формы не могут жить без содержания»²⁰. Тем удивительнее на этом фоне выглядит признание Кантом *реальной* пустоты логических форм (форм мышления) и тем настоятельнее этот факт требует объяснения. Кстати, сам И. С. Нарский, высказав мысль о том, что формы у Канта не могут «жить» без содержания, через страницу говорит буквально следующее: «Кант полностью отрицал зависимость логических форм от вкладываемого в них содержания»²¹. Это ~~не~~, ~~а~~ указание на имеющуюся непоследовательность в философских взглядах самого Канта.

Подкрепляющие нашу гипотезу соображения имеют очень общий характер. Однако это, по-видимому, неизбежно в силу самого характера предлагаемой гипотезы — она относится не к тем связям между понятиями, которые находят выражение в текстах философов, а к тем связям, которые служат *парадигмой для формирования* таких текстов. Конечно, историко-культурное и психологическое изучение связей между идеями пространства и логической формы в западноевропейской философии и культуре, а также в творчестве самого Канта нуждается в продолжении. Однако сегодня придется ограничиться приведенными аргументами, которые демонстрируют, по крайней мере, возможность предложенной гипотезы.

В заключение хотелось бы отметить, что наша гипотеза не только позволяет раскрыть источники формирования Кантовой концепции «пустоты» логической формы, а следовательно, аналитичности логики, но имеет и ряд общефилософских следствий, утверждая связь между концепциями пространства и логической формы в связи с развитием естествознания и его философским осмыслением.

---

¹ Термин «парадигма» здесь не связан с тем смыслом, который в него вложил Т. Кун, а употребляется, скорее, в его традиционном значении образца, модели.

² См.: Брюшинкин В. Н. Информативность логических процедур. — Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник, 1984. — М.: Наука, 1984, с. 194—206.

³ См.: Смирнова Е. Д. К проблеме аналитического и синтетического. — В кн.: Философские вопросы современной формальной логики. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 323—363.

⁴ Кант И. Логика: Пособие к лекциям. — В кн.: Кант И. Трактаты и письма. М., Наука, 1980, с. 320. В дальнейшем ссылки на эту работу Канта приводятся в тексте с указанием названия работы и страницы по данному изданию.

⁵ Это высказывание Канта требует комментариев. Оговорку «и по матери» не следует трактовать в том смысле, что Кант на этот раз собирается приписать логическим формам некоторое собственное содержание. Здесь речь идет о том, что единственным содержанием науки логики являются чисто

формальные правила рассудка, т. е. логические формы, что справедливо отмечается в комментариях к названному изданию «Логики».

⁶ Цит. по: Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. — М.: Изд-во иностр. лит., 1959, с. 107.

⁷ Там же, с. 109.

⁸ См.: Beth E. Aspects of Modern Logic. Dordrecht: D. Reidel, 1970, p. 44—48. Бет, кстати, подмечает взаимосвязь между трактовкой математики и логики: «Если мы вместе с Декартом, Кантом, Болландом и Брауэром... примем точку зрения, согласно которой в математическом рассуждении неизбежен нелогический элемент... то нам придется вместе с тем принять... что этот нелогический элемент играет некоторую роль и в построении теории силлогизма» (op. cit., p. 45). Поскольку Кант определенно принимает антецедент этой импликации, то ему, судя по всему, следовало бы вместе с Александром Афродисийским принять и ее консеквент. Однако, как мы знаем, Кант этого не делает.

⁹ Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. — М.: Прогресс, 1980, с. 295.

¹⁰ Асмус В. Ф. Диалектика Канта. — 2-е изд. — М.: Изд-во Комкадемии, 1930, с. 67.

¹¹ Спиноза Б. Избр. произв. в 2-х т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1, с. 407.

¹² Асмус В. Ф. Бергсон и его критика интеллекта. — В кн.: Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М., Мысль, 1984, с. 251.

¹³ Там же.

¹⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958, с. 34.

¹⁵ Там же, с. 38.

¹⁶ Однако следует иметь в виду, что связь между логической формой и формой пространства у Витгенштейна неоднозначна: «Каждый образ есть также логический образ. (Напротив, не каждый образ есть, например, пространственный образ)». (Там же, с. 36).

¹⁷ Лукасевич Я. Цит. соч., с. 48.

¹⁸ О связи логических форм с возможными объектами у Лейбница см.: Макавельский А. О. История логики. — М.: Наука, 1967, с. 402.

¹⁹ Здесь, кстати, было бы интересно привлечь к объяснению различного понимания логической формы у Канта и Лейбница различия в трактовке ими категории возможности. О различии трактовок возможности у этих мыслителей см.: Садовский В. Н., Смирнов В. А. Я. Хинтиikka и развитие логико-эпистемологических исследований во второй половине XX века. — В кн.: Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., Прогресс, 1980, с. 26.

²⁰ Нарский И. С. Диалектика «критического» Канта. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1975, с. 57.

²¹ Там же, с. 59.

И. С. Нарский

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ А. БАУМГАРТЕНА КАК ОДИН ИЗ СТИМУЛОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАНТА

Известно, что Кант начал свое философское развитие с воспроизведения, во время университетских лекций, идей системы вольфианца Александра Готлиба Baumgartena (1714—1762). Переход Канта к критицизму в философии означал преодоление им и Baumgartena, и Христиана Вольфа, и Лейбница. А как обстояло дело собственно в эстетике? В каком отношении уче-